

Платон Абсурдин

GARVM

REGIVS

MMXIX

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Платон Абсурдин
Garum Regius

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Абсурдин П.

Garum Regius / П. Абсурдин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Невероятные приключения Марцеллуса Писца в I веке до новой эры в римской республике. Вся правда о Спартаке, Цезаре и ещё кое о чём...Содержит нецензурную брань.

01

– Эй, Марцеллус, решил соскочить? – крикнул мне человек в доспехах, который появился из дорожной пыли. – Не получится! А если свалишь – я тебя найду, отрежу голову и отправлю её твоим родственникам!

– Я поранился! Идти больно!

– Вставай и дуй в строй! – сказал командир и дал мне в ухо.

Я нацепил сандалий, встал с мыльного камня, схватил свой щит, фурку с копьём, и побегал в пыль догонять колонну.

Мы шли по дороге к огромной горе, а я прихрамывал, потому что острый камень порезал мою ступню.

– А Гессор совсем озверел! Я думал, декан прирежет тебя – ему везде чудятся дезертиры! – сказал Кастул.

– Не прирежет! Им и так людей не хватает! Еле три тысячи собрали. Не знаю, на что Габр надеется. Либеры расправятся с нами, как с мальчиками, – сказал немолодой уже мужчина, которому, казалось, было за пятьдесят.

К нам подошёл декан Гессор.

– Я повторяю, но в последний раз! Если кто-нибудь решит свалить – найду и выпущу кишки! – сказал он.

– Не волнуйся, Гессор! Мы с тобой до конца! – сказал пожилой воин.

Гессор похлопал верного мужчину по плечу и пошёл вперёд.

– Шире шаг! Старина Везувий приветствует нас, парни! – крикнул он.

– Габр приказал распять каждого декана, который растеряет бойцов по дороге. Вот Гессор и переживает. У него же семеро детей, да и жена красивая! – сказал пожилой воин.

К вечеру мы разбили лагерь у подножия горы, разожгли костры и поставили палатки. Подошёл обоз с нехитрым провиантом и мутной водой.

Перед ужином нас построили, и к нам на лошади выехал сидящий человек в богатых доспехах, яркими перьями на шлеме, и с пурпурной лентой на рукавах. Красавца-мужчину освещали факелами двое всадников.

– Клавдий Габр! – шептались по рядам.

– Воины! – сказал он. – Скоро вам предстоит доказать свою верность Риму!

Полководец показал рукой на гору.

– Эти ублюдки залезли на Везувий и думают, что их там не достать! Это глупо и смешно! Долго ли они там просидят без еды и без воды? Я принял решение подождать их здесь! Скоро они слезут и попросят пощады! Или хлеба! Но они не получают ни того, ни другого! Всякий, кто посягнёт на римский образ жизни и наши традиции будет уничтожен! Боги помогут нам, потому что за нами правда и сила наших предков! Когда вшивые головы этих мудней будут нанизаны на наши острые копья, каждый из вас получит по сто сестерциев! Ну, а я приму от Сената скромный венок! А мне большего и не надо! Потому что я здесь не для себя, а для римского народа! И если понадобится, я встречу смерть, но не изменю нашим скрепам, которые приняли наши предки ещё во времена Ромула и Рэма!

– Слава Габру! – завопили со всех сторон.

Полководец улыбнулся, поднял руку, и толпа замолчала.

– И если кто-нибудь из вас решит, что ему здесь не место, что римские традиции храбрости и долга перед Родиной – это не его традиции – пускай идёт домой! Я его не держу! Но нужен ли такой гражданин Риму?

– Нет! Нет! – кричали воины.

Габр снова улыбнулся и поднял руку, чтобы солдаты замолчали.

– Каждый дезертир лишится гражданства, а его семья – бесплатного хлеба! Это я вам обещаю! Риму не нужны нахлебники, которые не желают очищать его от смердящего гнилья! Слава Риму!

– Слава Риму! – подхватили солдаты.

Военачальник снова успокоил солдат жестом.

– Эй! Чего разорались? Спать мешаете! – крикнули из темноты со стороны Везувия.

– Заткнись, либерная морда! Скоро вы все сдохните! – крикнул в ответ Клавдий Габр. – Клянусь Юпитером – не один из вас не уйдёт от карающего меча римского правосудия!

– Сам заткнись, жирный боров! Вертели мы твоё правосудие с твоим Римом в придачу! Солдаты, не слушайте лживого Габра! Такие, как он заставляют вас умирать за свои долбаные интересы!

Солдаты молчали, а полководец, вероятно, почувствовал смятение в солдатских рядах.

– Если бы сейчас светило солнце, я бы лично перерезал тебе твою паршивую глотку! – крикнул он в темноту.

– Иди накуй, Габр! – был ему ответ.

Клавдий Габр снова обратился к своему войску.

– Вы видите, как рабы растягались? Совсем распустились, суки! Ну ничего, мы заткнём им глотки! А сейчас – ужинать! И напоминаю деканам, что если хоть один отважный воин покинет его контуберний – распну, как кусок дерьма!

На ужин нам раздали хлеб и пшено, а пить предложили затхлую воду.

Мы сели у костра, который разожгли рядом со своей палаткой. Я был голоден и уплетал булки.

– А где поска? – спросил Гессора Кастул.

– Скажи спасибо, что воды налили.

– Экономят, суки! Знают, что всем нам крышка! – сказал пятидесятилетний воин.

– Тише ты! Я не хочу, чтобы меня распяли за твой трёп!

– Почему, думаешь, Габр не хочет атаковать? Да потому что нас меньше, чем тех либеров! – не унимался храбрый солдат.

– Заткнись, Гур! Их тоже не много. Здесь единственное место, где они могут спуститься. Мы подождём, пока они оголодают. А там и подкрепление подойдёт.

– Наивный ты человек, Гессор! Думаешь, либеры не придумают, как обвести Габра вокруг пальцев?

Гессор сплюнул и промолчал, а Гур отвернулся от костра.

После ужина рожок отыграл отбой, и мы легли спать. Палатка была тесной – приходилось дышать друг другу в затылок.

– Вспоминаешь сестру, Марцеллус? – спросил меня Кастул. – Она у тебя красивая.

– Да.

– А если я женюсь на ней? Как думаешь? Она согласится?

– Конечно. Вот вернёмся – сразу к ней и подвали.

– Если Габр не обманул и выплатит сто сестерциев, куплю ей подарок.

– Это правильно. Подарки она любит.

– А что ей подарить? Что она любит? Золотые фибулы? Или серьги с камнями?

– Она любит всё, что блестит.

– Но ведь всё блестит, что дорого стоит.

– Подари ей что-нибудь.

– Хорошо. Куплю ей фибулу с камнем. С двумя. Как думаешь?

– Заткнись! Дай спать!

– Ладно. Подарю ей серьги.

Я проснулся со звуком рожка. Но дудел не наш рожок, а тех парней, что сидели на горе. Их дудь так фальшивил, что резал мой музыкальный слух.

– Вот удивительно! – сказал Гессор, – Рабы, а тоже в рожки дуют! Или они считают, что у них настоящая армия? И почему наш не играет подъём?

Мы выползли из палатки и пошли умываться.

Оказалось, что наш дудь проспал, и по этой причине не смог отыграть свою партию.

Перед завтраком его казнили – отрубили голову и повесили на копьё в самом центре лагеря.

Перед нами снова выступил Габр.

– Так будет с каждым, кто не станет выполнять свои обязанности! Это хорошо, что дудь проспал, а если завтра это сделают караульные? И либеры перережут нас, как кроликов! Я не позволю превращать армию в сборище кретинов, которые только и мечтают, чтобы вдоволь отоспаться, да пожрать за казённый счёт! Кстати, сегодня все лишаются завтрака из-за того упыря! Но кто ещё умеет дудеть?

Я понял, что это мой шанс. Я рассудил, что, возможно, дудь не обязан рубиться на мечях в случае атаки неприятеля, и я смогу выжить и вернуться домой.

Я вышел из строя.

– Музыкант? – спросил меня Габр.

– Да!

– Как тебя зовут?

– Марцеллус.

– Говори громче! Пусть все знают имя нового дудя!

– Марцеллус! – крикнул я.

И крикнул я с такой громкостью, что на горе меня тоже услышали.

– Что? – спросили с Везувия.

– Иди накуй! – крикнул Габр в ответ и с гордостью посмотрел на наши ряды.

– Отныне ты, Марцеллус, назначаешься дудём! Выдайте ему рожок! Пускай дудит!

Я переселился в палатку, в которой жили привилегированные воины. Со мной жил врач, писец, сигнифер, и ещё парочка парней.

Врач зашил мою ногу и наложил на неё повязку.

Прошло несколько дней. Я дудел по утрам и вечерам, получал фазанов на обед и не ходил в наряды.

Это случилось утром.

– Они уже здесь! Либеры спустились! – кричал кто-то, как резаный.

Я бросил свой котелок и схватил рожок.

Ко мне подлетел один из центурионов.

– Играй тревогу! Играй! Чего ждёшь?! – крикнул он и дал мне оплеуху.

Я принялся дудеть изо всех сил.

Начался бой. Но, скорее, эта была резня, потому что напавшие парни распарывали животы и отрубали головы, забивали солдат щитами, а те от неожиданности не могли дать достойного отпора неприятелю.

Вопли и печальные стоны вперемешку с отборной матерщиной на разных языках раздавались отовсюду.

На моих глазах вспороли брюхо Кастулу, который мечтал жениться на моей сестре и подарить ей серьги. Он встал на колени, схватился руками за окровавленный живот и пытался удержать свои кишки.

Я даже не успел опомниться, как уже сидел на убийце моего приятеля и бил его по голове своим рожком. Я рычал как нубийский лев, а из моего рта на лицо поверженного воина капала слюна.

Звук от ударов кочевал от ноты «ля» к «си», но не далее.

Я бил по неприятельской голове до тех пор, пока труба не потеряла свою изящную форму, а лицо убийцы Кастула не превратилось к кровавую кашу. Но встать на ноги я не смог – кто-то саданул меня по голове, и я потерял сознание.

Я очнулся и открыл глаза. Рядом со мной сидел Гур.

– Очнулся-таки? Я думал, что ты сдох, – сказал он. – Теперь нас зарежут, как свиней. И не дадут пить!

Я привстал и огляделся. Вокруг нас сидела ещё пара сотен пленных солдат.

К нам подошли двое.

– Который? – спросил один из подошедших парней.

– Этот! – ответил второй и пнул меня по голове.

Меня поставили на ноги.

Передо мной стоял невысокий мужчина со светлыми волосами да плеч и с голубыми глазами. Он был крепкого телосложения, и рука его была перевязана.

– Ты убил моего друга! – сказал он.

– Друга?

– Эномай был моим другом!

– Я не знаю, кто это.

– Не ври! Эномая нельзя было не заметить! Он был один такой! Его знали все!

Меня подвели к телу, которое было накрыто красным плащом какого-то центуриона.

Светловолосый незнакомец откинул плащ и я увидел... карлика. Да-да. Тогда я понял, почему я с такой лёгкостью одолел убийцу своего приятеля.

– Тебя ждёт мучительная смерть! – сказал второй парень и ухмыльнулся.

Он был выше голубоглазого, и волосы его были чёрными, как смоль. Кожа его тоже была тёмной, а всё тело было украшено белыми татуировками.

– Но что будем делать с остальными, Крикс? – спросил длинноволосый блондин.

– Мочить!

– Может, кто-то из них захочет перейти к нам? У нас мало людей.

– Спартак, мы же договорились! Они не шадят наших парней! Ты сам знаешь, что они с ними делают!

– Знаю, но...

– Если ты ихпустишь, я уйду!

– Хорошо, Крикс. А этого распнём?

– Конечно! И вырвем сердце! Будет знать, как дудкой либертарианцев забивать!

– Какой дудкой?

– Рожком для сигналов. Им он убил Эномая!

– Он – дудь?

– Не знаю. Какая разница?

– Как какая? Ты же знаешь, что наш Евклид не умеет дудеть! К тому же его убили в этом бою! Если мы считаем себя армией, то нам нужны её атрибуты!

– Атрибуты, – передразнил Крикс.

– В современном бою сигнализация – основа тактики! Без неё мы как без рук!

– Ты хочешь оставить ему жизнь?

– Он нам нужен, Крикс!

– Но он сломал свою трубу о голову Эномая! Она потеряла свою геометрию! Как он будет дудеть?

– Отдадим ему Евклидову дудку.

– Ну, не знаю. Давай спросим твою жену!

Они послали какого-то парня за женщиной.

– Я с детства играю. Могу любые мелодии подбирать, – сказал я.

Спартак с Криксом посмотрели на меня, но промолчали.

Пришла красивая женщина в пурпурном платье и с аккуратной причёской. И хотя платье её было порвано в нескольких местах, и не стиралось неделю или две, она носила его с достоинством.

Женщина двигалась как аристократка и привлекала мужское внимание. Ноги её отличались длиной, хоть и не были самыми стройными в лагере повстанцев.

– Корнелия, мы тут с Криксом поспорили. Я говорю, что нам нужен дудь, а Крикс хочет вырвать у него сердце. Что думаешь ты?

Женщина посмотрела на меня.

– Дудь нужен, – сказала она.

– Но он убил Эномаю! – возразил Крикс и показал на тело карлика.

– Малыш погиб?

– Он забил его рожком!

Корнелия подошла ко мне.

– Зачем так? Разве недостаточно вспороть живот? Или отрубить голову? Тебе нравится убивать с жестокостью?

Я не нашёлся с ответом.

– Дудь не нужен, Спартак! – сказала женщина и отвернулась от меня.

– Но Эномай убил моего друга, а тот хотел жениться на моей сестре! – крикнул я. – Которую я люблю больше жизни! И он тоже любил! А она любила его! Видят боги, это была лучшая пара на долбаном полуострове! Но теперь его больше нет! И сестра наложит на себя руки! Ты права, красивая женщина, – мне незачем больше жить!

Корнелия снова повернулась ко мне.

– Пускай дудит! – сказала она.

03

Крикс победил в споре о пленных – им перерезали горла, но лишь после того, как они побросали погибших в битве в канаву.

Старина Гур с таким усердием ползал на коленях и умолял пощадить его, что даже добрый Крикс простил его и отправил точить трофейные мечи и копья – он посчитал их тупыми и непригодными для борьбы за свободу.

Вся наша небольшая армия вышла к морю, захватила Геркуланум и осталась в нём на постое.

В тот же вечер воины решили отметить свой успех, и на главной площади накрыли огромный стол. Людей было такое количество, что мест не хватало, и многие стояли.

Вино текло рекой, а жареным фазанам не было счёта.

Все рабы Геркуланума присоединились к либертарианцам, чем и порадовали Спартака. Он даже решил сказать речь.

– Друзья! Я рад, что наши ряды пополняются, а наша армия крепнет! Сенат мечтает задушить наше движение и присылает к нам таких, как Клавдий Габр. Я бы с удовольствием показал вам его голову, но он сбежал! Бросил своих солдат и позорно бежал! Пока у Рима будут такие полководцы, у нас развязаны руки! Наша цель – Рим! Мы покончим со всемогущими пан-италийскими корпорациями и огромными налогами! Мы дадим свободу всем, кто готов работать на благо народа! Мы уничтожим рабство и дадим гражданство и землю всем, кто пожелает её обрабатывать!

Люди аплодировали Спартаку и поддерживали его речь одобрительными криками.

Когда веселье было в разгаре, я подошёл к Спартаку – он сидел за столом со своей женой Корнелией.

– Спартак! Я хочу спросить тебя!

– Как зовут тебя, добрый дудь?

– Зови меня Марцеллусом!

– Что за вопрос, Марцеллус?

– А правда, что ты – беглый раб и гладиатор?

– Кто сказал тебе?

– Так... в народе говорят.

– Вот тебе, Корнелия, сенатская пропаганда в действии!

Спартак ударил кулаком по столу.

– А не говорят ли в твоём народе, что я пожираю синих детей и не брезгую варварским серебром?

– Такого я не слышал, – сказал я.

– Спартак из очень знатного рода, он потомок самого Ромула, – сказала Корнелия. – Но корпорации, которыми владеют сенаторы, разорили его отца, и уважаемый род обнищал.

– И я решил посвятить себя борьбе с угнетателями! Всё просто, Марцеллус. Я уверен, что республику можно сохранить, а экономику сделать прогрессивной, только если уничтожить олигархов и освободить человека труда!

Мы выпили за сильную республику и добрый народ Рима. А потом выпили ещё, и ещё.

Проснулся я утром, в окружении каких-то бедных женщин в богатом доме.

Я встал, удивился повязке на одной из рук Марцеллуса, оделся и вышел на улицу.

Там я встретил Спартака – он прогуливался по городу и давал указания своим солдатам. Но все его указания сводились к тому, чтобы запретить убивать жителей и прекратить насилие над местной знатью.

– А! Марцеллус! Приветствую тебя! Твоя клятва кровью произвела вчера на всех впечатление!

Он показал на мою перевязанную руку.

Оказалось, что я поклялся своей кровью, а может, заодно и чужой, быть со Спартаком и его либертарианцами до конца.

В тот же день Спартак дал мне задание разработать систему звуковых сигналов для его армии.

Я сделал это за пол-дня, а вечер провёл на пляже.

Кроме разноязычных солдат, которые набирались из рабского интернационала, в армии Спартака были и жёны, и дети бунтовщиков, которых нужно было всё время таскать за собой, чтобы враги не отомстили семьям либертарианцев.

Кроме рабов, в нашу армию приходили крестьяне и ремесленники из соседних деревень и городов.

Я, как самый грамотный из всех, не считая, конечно, самого Спартака и его жены, стал вести учёт не только личного состава, но и казны, и фуража, и нехитрого вооружения. Тогда за мной и закрепилось прозвище Писец, которое со временем стало моим когноменом.

Писание стилусом на воске мне в скорости наскучило.

В одном из богатых домов я нашёл папирус, взял перо фазана и выпросил бычьей крови у одного доброго фермера. С того дня я вёл свои записи кровью на папирусе. Спартаку такой стиль пришёлся по душе.

– С кровью у тебя проблем не будет – в нашем деле без неё никак! Да и папируса у богачей скопилось, наверняка, немало, – сказал он. – Говорят, что самые богатые ходят с ним в сортир! Зажрались, собаки!

04

Одним душным вечером Спартак решил собрать военный совет, чтобы спланировать дальнейшие действия повстанческой армии.

Меня тоже пригласили, потому что Спартак питал ко мне симпатию, и я пользовался его доверием.

Кроме меня, присутствовали ещё пара-тройка командиров, но их имён я не запомнил.

Ну и Корнелия, конечно, тоже сидела рядом со своим супругом. Её пурпурное платье отстирали и зашили – она выглядела как королева.

Всем налили вина, а перед нами плясали полуголые танцовщицы под музыку какого-то старичка со струнным, но незнакомым мне инструментом.

– Я собрал вас здесь, друзья мои, чтобы сообщить добрую весть – против нас выслана ещё одна армия, – сказал Спартак.

– А что же в ней доброго? – спросил Крикс.

– А то, что мы её уничтожим, и наша слава разлетится по миру! Будем считать это нашей рекламной кампанией! Я всё просчитал: мы сможем увеличить армию в два, а то и в три раза!

– Спартак, я тебя уважаю, но иногда ты меня удивляешь своей чрезмерной самоуверенностью, – сказал Крикс.

– Сейчас ты станешь таким же самоуверенным, как и я, дружище! Ты знаешь, кто у них главный?

– Кто?

– Публий Вариний!

– Тот самый?

– Он!

– Ха! Сенаторы совсем уже ополоумели! Ну, тогда – да! Тогда мы можем выпить за успех!

– Выпьем за победу! – сказала Корнелия.

Мы не стали откладывать это предложение красивой женщины в долгий ящик.

– Этот мудень уже разделил своё войско на две части! – сказал Спартак.

– Ох, Публий! Ох, Вариний! Я люблю этого парня! – кричал Крикс.

Потом он пустился в танец с полуголыми женщинами и с другими командирами.

Было видно, что и Спартак хотел присоединиться к своим соратникам, но супруга взяла его под руку и не отпускала.

Я подсел к борцу за свободу и справедливость.

– Что, Марцеллус, не нравятся танцы? – спросил меня Спартак.

– Я плохой танцор, – ответил я.

– Ничего, разгоним всю эту сенатскую шушару – танцевать научимся! Станем лучшими танцорами на полуострове!

– Отличная идея, Спартак! – сказал я.

– Ты лучше не о танцах думай, а о том, что будешь делать, когда расправишься с Варинием, – сказала Корнелия. – Сенаторы не оставят тебя в покое! Они, наверняка, найдут того, кто будет умнее Вариния. Красса, например.

– А что сейчас об этом думать? Пойдём на Рим! Промедление – подобно смерти! И ни Вариний, ни твой Красс нас не остановит!

– Красс кое-чего стоит. Этот мужичонка – с яйцами, – сказала Корнелия.

– Что ты, женщина, можешь знать о войне и о яйцах? Доверься нам с Криксом! Уж мы-то, наверно, лучше в этом разбираемся!

– Вы уже разобрались... с Криксом. Мы из-за вас почти месяц сидели на сухарях, а потом нас загнали на Везувий, как баранов. И если бы не я, то всех бы под нож пустили!

– А как вы незаметно спустились с горы? – спросил я.

– А Корнелия подкупила дозорных – отдала им фамильный перстень. А те закрыли на нас глаза, – сказал Спартак.

– Этот перстень подарил мне мой дед, а ему – его бабка. А она была...

– Да знаю я, кем она была! Ну, и что с того? Скоро я подарю тебе Рим со всеми перстнями и канделябрами!

– Попробуй только не подари!

Надо сказать, Корнелия не могла не нравиться – в ней было что-то такое, что притягивало сильнее фазанов с соусом. Я имею в виду не только её изумительную внешность и редкую ухоженность, её упругие ягодицы и спелые груди – одна краше другой, но и волевой подбородок, конечно же.

После танцев совет решил бить отряды Вариния по одному, а для этого использовать конницу.

Спартак приказал собрать в Геркулануме всех лошадей, каких смогли найти в окрестных деревнях, а самых способных и умелых людей, в основном германцев, военачальник посадил в сёдла. Набралась пара сотен суровых всадников – они-то и должны были стать ударной силой либертарианского войска.

Меня вооружили гладиусом, плетёным щитом и доспехами, которые до меня носил какой-то римский центурион. Они были тяжёлыми, но я не стал отказываться от щедрого подарка.

В мои обязанности, как военного дудя, входила подача сигналов к наступлению и манёврам. Я чувствовал свою ответственность и неделю репетировал.

Наш лагерь переместился из Геркуланума на несколько миль южнее, потому что Спартак не хотел, чтобы его войско расслаблялось и теряло свою военную форму.

Через какое-то время мы атаковали первый отряд некоего Фурия – его чудесную голову я видел потом на пире, который был посвящён нашей победе.

Затем, по похожей схеме, мы разгромили и второй отряд под командованием известного римского пловца Луция Коссиния – германские всадники неслись на врага с грязными ругательствами на своём выразительном языке, чем и распугивали неприятельских солдат.

Луция Коссиния тоже решено было обезглавить, несмотря на его достижения в плавании. Крикс занял в этом вопросе непримиримую позицию, и Спартак не стал спорить со своим другом.

Спартак не ошибся в своих расчётах, и, после наших побед, армия борцов за свободу увеличилась вдвое. Да и казна пополнилась тремя десятками талантов серебра, которое было собрано в качестве трофеев и налогов с местной знати.

К нам стали приходиться даже дезертиры из побитого войска Вариния. Спартак хотел принять их в наши ряды, а Крикс настаивал на массовых казнях. Нашли компромиссное решение – отпускали дезертиров по домам. Но это было сродни казни, потому что дома их судили за дезертирство и могли казнить. Ну, или, если повезёт, лишиться гражданства со всеми вытекающими последствиями.

Дезертиры рассказали, что у Вариния осталась лишь пара тысяч боеспособных воинов, которые напуганы и находятся в полу-шаге от побега, и что Вариний построил укреплённый лагерь с глубоким рвом и высокими насыпями, чтобы его солдаты не разбежались.

Спартак и Крикс решили послать к Варинию парламентаря с предложением сдаться, чтобы не напрягать солдат своей армии кровавым штурмом римской крепости. Крикс предложил послать к Варинию меня, но Спартак был против.

– Если ему отрубят голову, мы лишимся не только прекрасного дудя, но и преданного нашему делу борца и настоящего либертарианца! – сказал он.

– Пускай покажет, что он умеет не только дудеть, но и дела делать! – ответил Крикс.

А Корнелия поддержала Крикса.

– Крикс прав. Пускай докажет, что достоин править Испанией.

– Испанией? – удивился я.

– Да, – сказал Спартак. – Мы тут поделили римские владения между собой, пока ты спал. Когда мы победим, я сяду в Риме, Крикс получит свою любимую Азию, а тебя отправим в Испанию. Там беспокойно, но я уверен, что ты справишься.

– А как же республика? Мы же, вроде, за неё и боремся! Вы собираетесь покончить с ней? – спросил я.

– Ты что?! Конечно, мы сохраним республику! Только Сената в ней не будет. Все вопросы могу решать я сам без помощи разных мудней. Или я, по-твоему, убогий неудачник, и не могу решать вопросы?

– А народ?

– А что народ? Народ любит своих спасителей! Он будет голосовать за меня раз в четыре, а лучше в шесть лет. И никаких проблем! Или ты не согласен?

Я сказал, что согласен.

– Испания – прекрасная страна! Тебе там понравится! А завтра съезди к этому чудиле и предложи ему сдать. Если он решит тебя обезглавить, скажи, что тогда мы сделаем то же самое с его милой семейкой.

Утром меня усадили на белую лошадь.

Мне дали проводника – местного пастуха, и я попросил его идти помедленнее.

Мы вышли к реке, а за рекой был виден лагерь Вариния.

– Это здесь, – сказал мой проводник на языке, которого я не понимал.

Я ответил, что не хочу добираться вплавь, потому что плаваю хуже, чем это делал Луций Коссиний.

Пастух выпросил для меня лодку у местного крестьянина. Я обещал заплатить, но после своего возвращения, а добрый лодочник поверил мне и переправил к укрепленному лагерю Вариния.

– Кто такой? – крикнули мне из-за насыпи.

– Марцеллус Писец. Я пришёл от либертарианцев говорить с Публием Варинием!

Меня пустили в крепость и провели в белый шатёр. Там, за столом, сидел пожилой уже человек и пил калиду. Он был в белой тоге, но с пришитой к ней пурпурной лентой. Рядом с начальником стоял его помощник в доспехах.

– А ты уполномочен? – спросил меня Вариний.

– Меня послал сам Спартак! Знаете, кто это?

– Рабы уже научились посылать! Куда катится Рим?! – сказал седовласый мужчина. – Ну говори, что у вас там стряслось?

– Это не у нас стряслось, а у вас. Мы наслышаны о ваших проблемах и предлагаем вам сдать.

– Понтий, у нас проблемы, оказывается, – обратился старик к своему подручному. – Проблемы у тебя, потому что я намерен тебя обезглавить, а твою голову отправить твоему... Как его? Сартаку.

Я собрался с духом и сказал так, как учил меня Спартак.

– Если ты меня обезглавишь, то либертарианцы обезглавят всю твою семью! – сказал я.

Старик вытаращил свои глазёнки – он едва не потерял дар речи от удивления и возмущения.

– Что? Рабы угрожают мне? Мне?

Он вскочил.

– Разрешите, я отрублю ему голову прямо здесь и сейчас! – сказал военный человек в доспехах и схватился за меч.

Боги снова пришли мне на помощь – в шатёр влетел какой-то запыхавшийся, но счастливый солдат.

– Подкрепление на подходе! – крикнул он.

Вариний с помощником отвлеклись от меня и переглянулись.

– Слава Юпитеру! И всем остальным богам тоже! – сказал Вариний.

– Будем наступать? – спросил подручный человек.

– А как же! Рим ещё вспомнит о старине Публии Варинии! Зря они списали меня со счетов! Я ещё въеду в арку на белом коне!

– А с этим что будем делать?

– Этого казнить пока не будем – казним позже! А пока что отправим его обратно к рабам с посланием! Садись, пиши!

Понтий снял свой шлем, сел за стол, взял лист папируса и перо какой-то неведомой, но красивой птицы.

– Пиши! Дорогой... как его? Сартак!

– Спартак, – поправил я.

– Да какая разница! Раб ведь! А ты подожди на улице! Что встал?! – сказал Вариний и пнул меня ногой под зад.

Мне не понравилось такое отношение к парламентёру, но я вышел из шатра и решил погреть уши.

– Дорогой – подчеркни! Пишу тебе, чтобы сообщить, что пришёл твой конец! И твой, и тех вонючих рабов, которые возомнили себя свободными людьми! Не пройдёт и трёх... Нет! Пиши – двух недель, и я развешу вас на столбах. И те, кто не сдохнет сразу, будет умолять меня о пощаде! Но я не занимаюсь благотворительностью!

– Благотворительность пишется через «о» или через «а»?

– А я знаю?! Какая разница! Мы же не в Сенат пишем! Не сбивай меня! Пиши! Всем вам вспорют животы и выпотрошат, как фазанов! А тебя лично я привезу в Рим в клетке! И ты будешь сидеть в ней до конца своих дней на потеху добрым римлянам! Но есть и хорошая новость. Ты можешь заплатить мне тридцать талантов серебра в качестве компенсации за моё время, которое я потратил на написание этого письма, распустить своих головорезов и прийти ко мне с повинной. Обещаю не убивать тебя, а поступить с тобой как с дорогим рабом. Я продам тебя на Восток по очень хорошей цене! А если накинешь ещё десяток талантов, то сможешь покинуть пределы римских владений как свободный человек. Выбирай, или проиграешь! Публий Вариний, усмиритель всех рабов и спаситель Великого Рима. Ну как?

– Отлично написано!

– Я тоже так думаю! Отдай папирус этому рабу, и пускай сваливает к своему вожаку! Эй, морда, иди сюда!

Понтий запечатал письмо и сунул его мне в руки.

– Передашь моё письмо Сартаку! Вот тебе пара монет. Только отдай ему в руки и так, чтобы никто не видел!

Я пообещал выполнить просьбу Вариния, и меня выпустили из лагеря.

Крестьянин с лодкой всё ещё ждал меня у насыпи, и я поделился с ним монетами, а он, счастливый, переправил меня на другой берег.

Я кое-как залез на кобылу.

Всю дорогу я размышлял о том, стоит ли отдавать письмо Спартаку или уничтожить его. Оно, конечно, было оскорбительным, но оно же могло спасти тысячи жизней, если Спартак пошёл бы на сделку с Варинием.

В общем, я всё решил за Спартака и порвал письмо. И даже съел его, для верности.

А незачем было Варинию пинать меня ногой под зад! Не было такой необходимости!

05

Я вернулся в лагерь либертарианцев в приподнятом настроении.

Крикс удивился, что мне не отрубили голову.

– А ты везучий, сукин сын! – сказал он.

Честно сказать, он был прав, этот Крикс.

Мы собрались в нашем штабе – крестьянской хижине, но уже без танцующих и полуголых женщин.

– Что он ответил? Рассказывай!

– Он сказал, что сдаваться не будет, и посоветовал нам самим сдаться. Он угрожал.

– Ну, наглец! Надо будет преподать ему урок! – сказал Спартак.

– К нему пришло подкрепление, и он настроен решительно! – сказал я.

– Да плевать мне, как он настроен! Угрожать мне я не позволю никому!

– А вот таким ты мне нравишься, Спартак! – сказал Крикс. – Их нужно мочить! И без всякой пощады!

Он подскочил и обнял Спартака.

– Мы им покажем на что способны пламенные борцы за долбаную свободу! – крикнул он. – Марцеллус, налейте нам вина!

– Может, не следует пороть горячку, а прикинуть наши шансы? Мы даже не знаем сколько их, – сказала Корнелия.

– Да сколько бы их не было, с таким «гениальным» командиром, как Вариний, их ждёт позорный разгром!

Мы выпили вина, но Корнелия оказалась права – подкрепление, которое получил Вариний было значительным, и следующая битва была нами проиграна.

Даже матерящаяся во всё горло германская конница не спасла нашего положения.

Я дудел изо всех сил – но это моё старание тоже оказалось недостаточным.

Мы потеряли несколько тысяч человек убитыми, а ещё тысяча оказалась в плену. Всех пленных Вариний казнил.

Он поставил свой лагерь в какой-то полу-тысяче шагов от нашего, но не атаковал.

Вероятно, он хотел показать нам, что не даст либертарианцам уйти без его согласия.

Кроме того, он устроил нам проблемы с продовольствием – уведомил местных крестьян, что за продажу нам хлеба их ждёт смертная казнь. Крестьяне почему-то поверили Варинию. А мы не могли отбирать хлеб силой, потому что это могло попортить нам репутацию и грозило перебоями с новобранцами.

– Борцы за свободу не могут грабить крестьян! – сказал Спартак. – Это против правил!

– Нас гонят, как баранов! – убивался Крикс.

– Вариний хочет сделать себе карьеру! Долбаный плебей! – говорил Спартак.

– А ну, пойду-ка я и прикажу казнить всех пленных! И всех подозрительных тоже!

Спартак был так печален, что не стал останавливать своего друга.

Я налил ему вина.

– Что делать, Корнелия? – спросил главный борец за свободу.

– Уходить. На юг. Там мы сможем пополнить войско. И там есть хлеб.

– Как уходить? Эта плебейская морда села нам на хвост и морит голодом! Если мы начнём есть лошадей, то германцы разбегутся – они уже привыкли воевать верхом! И нас мало! Мы не можем атаковать!

Корнелия обняла Спартака и дала ему бокал с вином.

– И не нужно атаковать. Нужно перехитрить.

Спартак выпил вина.

– Говори!

Корнелия изложила свой план – он понравился и Спартаку, и Криксу, но я, честно говоря, был от него не в восторге.

Боевая подруга нашего военачальника предложила поставить на место караульных трупы и оставить в лагере дудя, чтобы он продолжал дудеть и поддерживать огонь в кострах для

задымления. По её мнению, такой спектакль должен был усыпить бдительность врагов, пока все живые либертарианцы двинутся на юг.

– Мы выиграем несколько дней. Так мы оторвёмся от Вариния! – сказала Корнелия.

– А что, если не оставлять дудя? – спросил я.

Все трое посмотрели на меня.

– А чего ты испугался? Подудишь пару дней и нас догонишь! Мы оставим тебе лучшего коня! – сказал Крикс.

– Это приказ, Марцеллус! – сказал Спартак. – Уверен, что ты справишься!

– Не бойтесь потерять Писца? – спросил я.

– В случае чего, Корнелия займётся документами.

Корнелия кивнула.

– Когда нас догонишь, можешь требовать, чего захочешь! В пределах разумного, разумеется, – сказал Спартак.

Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Ночью выставили трупы на места караульных, а утром все либертарианцы со своими семьями двинулись на юг.

Я дудел наши обычные сигналы и кидал дрова в костры.

Два дня я не спал, а потом решил, что с меня хватит, кое-как залез на лошадь и поскакал догонять своих друзей.

Через три дня я настиг либертарианцев у Кум.

Спартак обнял меня и пригласил отобедать тем, что послали добрые боги.

Надо сказать, питание восставших улучшилось – на обед подали диких кабанов, устриц и, конечно, фазанов с лучшим в мире соусом.

– Вот, Марцеллус, специально для тебя задушили двух последних птиц. Я знал, что ты вернёшься к нам!

Мы разлеглись на диванах, как аристократы, а прислуживал нам тот самый Гур, который выпросил себе пощаду. Мне он не нравился, но я молчал.

– Как прошло? Вариний так ничего и не заподозрил? – спросил меня Спартак.

– Нет. Я был на высоте!

– Не сомневаюсь! Выпьем за Марцеллуса Писца, нашего друга и соратника в нелёгкой борьбе!

Мы лежали, пили прекрасное вино, наслаждались прекрасной едой, и нас развлекали танцовщицы.

– У нас всё тоже хорошо, как видишь. Армию за три дня увеличили вдвое! А к нам всё идут и идут! Уже оружия не хватает – выдаём вилы и дубины. Нам бы ещё обучиться как следует! Ну, думаю, на этот раз старина Вариний получит по зубам, сука! – сказал Спартак.

– Мы выьем ему его гнилые клыки, будь уверен! – сказал Крикс.

Мы выпили за победу.

– Спартак, ты обещал мне выполнить любую мою просьбу, когда я вернусь!

– Конечно! Проси чего хочешь, Марцеллус! Ты заслужил самый щедрый подарок!

Крикс ухмыльнулся, а Корнелия швырнула в него устрицу.

– Если мне придётся взять на себя ответственность за Испанию, то было бы неплохо присовокупить к моей зоне ответственности и Галлию с Британией.

– Британией? Это где?

– Это севернее Галлии, через пролив. Нужно будет присоединить этот остров к республике! Там есть много полезного.

– Хорошая идея! Что думаете, друзья?

– А не жирно ли будет? Ничего ли не треснет у нашего доброго дудя? Я беспокоюсь за него, – сказал Крикс.

Такой подход к делу меня разозлил.

– Я же не прошу Германию! – сказал я.

Крикс подавился вином.

– Ты её поди завоюй сначала! Ты видел, как германцы матерятся?

– Германию тоже поставим на колени! – сказал я. – А потом...

– Что потом?

– Потом пойдём дальше на Восток и выйдем к Понту со стороны Колхиды!

– Мда... Дудю больше не наливать! – сказал Крикс. – Губу раскатывать он мастер!

Меня обидела фраза Крикса, потому что мне нравится вино, а в особенности – палермское красное.

– А тебе, Крикс, вся Азия? А сдужишь ли Азию подмять? А может, кишка тонка у храброго Крикса?

– Эй, дудь! Я сейчас выпущу твои...

– Друзья мои, не нужно ссориться! Я полагаю, Галлию мы доверить Марцеллусу сможем.

А что касается этой... Британии и Германии, то не будем спешить, – сказал мудрый Спартак.

– Не сегодня-завтра Вариний появится, – добавила Корнелия.

– В самом деле. Стоит ли выпускать друг другу кишки из-за какой-то Британии, которую и не видел никто?

Я доделал последнего фазана, когда в наш триклиний вбежал испуганный Гур. Он показывал на дверь и от волнения не мог сказать, что хотел – шевелил губами и пускал слюну.

– Ну, чего тебе? Говори уже, морда! Или я проткну тебя своим ножом! – сказал Крикс.

– В самом деле – не томи! – поддержал друга Спартак.

– В городе волнения! Народ собрался, требует наказать! Грозят прекратить плести щиты и душиить фазанов!

– Что? Кого наказать? Что ты мелешь?

– Того, кто это сделал!

– Что сделал?

– Обесчестил...

– Пойди разберись! – сказала Корнелия Спартаку.

– Пойдём глянем, что за буза, Крикс!

Я пошёл с ними, а перед домом стояла толпа горожан. Люди кричали невпопад.

Спартак поднял правую руку, и толпа успокоилась.

– Что случилось? Чего вы хотите?

– Требуем наказать виновного! – крикнул какой-то мужичок.

Толпа поддержала его рёвом.

– Кто виновен? И в чём?

Люди расступились, и к нам подкатили телегу с женским трупом. По виду, женщина принадлежала к знатному роду и была не самой молодой в городе. И не самой красивой, пожалуй, тоже.

– Она повесилась, – сказали из толпы.

– Зачем?

– Её обесчестили! Это матрона Виталия, дочь Гнея Скрупула. Она была самой уважаемой женщиной в городе!

– И всегда помогала нам!

– И не убила ни одного раба!

– Но кто её обесчестил? – спросил Спартак.

– Один из твоих воинов!

– Где он?

– Прячется в термах!

– Его покрывает твой заместитель и не отдаёт нам!

– Кто? Крикс?

Спартак посмотрел на Крикса.

– Да. Я приказал не выдавать его! А что такого? Она же из тех самых!

Спартак поднял свою руку.

– Успокойтесь! Сейчас его приведут ко мне, и мы во всём разберёмся!

Он приказал солдатам привести злодея.

– Крикс, пойдём – поговорим.

Мы вернулись в триклиний. Корнелия всё так же лежала на диване и пила вино.

– Что случилось, дорогой? – спросила она.

– Какой-то хмырь обесчестил местную матрону. А она взяла и повесилась! А Крикс покрывает насильника!

Крикс взял бокал и выпил вина.

– Корнелия, а что такого? Раньше на это не обращали внимания, а теперь – нате!

– Раньше мы были кучкой борцов за свободу, а теперь у нас целая армия, Крикс. Если наша армия будет насильничать население, то нас не будут поддерживать, – сказала Корнелия. – Ты это понимаешь?

– Понимаю! Но почему им можно, а нам нельзя? Что они делают с рабами – всем известно! А тут из-за какой-то сраной матроны целый скандал! Он её даже не убил!

– Убил – не убил – не важно! Он запятнал нашу репутацию! Он не мог сходить в бордель? Вчера всем было выплачено жалование! На шлюх его хватает с избытком!

– Корнелия, я не понимаю тебя! Вспомни Эномая! Тут только Марцеллус не знает, почему он был таким маленьким! А я ему расскажу! Один рабовладелец в Этрурии держит рабских детей в бочках, чтобы они не росли! И в бочках они живут по десять лет! А потом продаёт по завышенной цене! Я до него доберусь и, клянусь богами, самого в бочке замариную и выброшу в море!

Повисла пауза.

Но тут привели того самого мерзавца, из-за которого мы прервали свой обед.

Это был плюгавенький человечек, с маленькими бегающими глазками. Казалось, что он не мог не только обесчестить матрону, а даже поднять пустую амфору.

– Этот? Это кто же такого в нашу армию зачислил? – спросил полководец.

– Мы сейчас всех берём, Спартак. Кроме пленных. Нам нужны люди! – сказал Крикс.

– Нам нужны воины, а не... Как ты смог это сделать? Тебе помогали?

Злодей смотрел в пол и молчал.

– Отвечай! Из-за тебя я не доел своих устриц! И мясо остыло!

– Она спала, – сказал человечек.

– Ты залез на спящую? Представляю её удивление, когда она тебя увидела! А ведь её можно понять, Крикс! – сказал Спартак.

Они с Криксом посмеялись.

– Клянусь Юпитером, если бы на неё залез Крикс, она бы не наложила на себя руки! – сказала Корнелия.

Мы засмеялись все вместе, кроме, пожалуй, того маленького человечка, который чувствовал свою вину за недоеденных великим полководцем устриц.

– Ну, вот что! Думаю, нужно отдать его толпе – наша армия не много потеряет, если лишится такого бойца! – сказал Спартак.

– Это верно, – сказала Корнелия.

Крикс отвернулся и принялся отрезать себе мясо от кабаньей туши. Спартак взял одну устрицу, открыл её и сунул моллюска в рот маленькому человечку.

– Ел когда-нибудь устриц? На, попробуй!

Потом он взял его за шею и повёл к толпе.

– Ну вот и всё! Дело прояснилось! Злодей признал свою вину! Можете спать спокойно – больше такое не повторится! – крикнул Спартак. – А теперь делайте с ним всё, что хотите!

Он толкнул бедолагу в народные объятия, и преступник был тут же разорван горожанами на части ко всеобщему удовольствию.

Люди ликовали и славили Спартака.

– Справедливость торжествует! Обожаю такие моменты! – сказал нам вождь либертарианцев. – Пойдёмте допивать вино! Всё-таки палермское красное – лучшее на всём полуострове.

06

Через два дня наша армия разбила войско Вариния. Этот храбрый полководец бежал. Он бросил оставшиеся отряды своих людей на произвол незавидной судьбы.

Мы захватили рекордное количество пленных и не знали что с ними делать. Крикс упёрся рогом и ни в какую не соглашался пополнять ими наше войско. Часть пленных, у которых за душой не было и асса, он казнил, другую часть, побогаче, отпустил за выкуп.

– Остальных – в театр! – сказал он.

Темнокожий заместитель Спартака задумал устроить самое крупное представление с участием гладиаторов, в роли которых он видел пленённых солдат.

– Рим такого ещё не видел, Спартак! – говорил Крикс, и глаза его горели. – Мы анонсируем наше представление и будем продавать билеты за неделю! Или лучше за две! Пускать будем всех – и детей тоже! Вот увидишь, народу понравится!

Я думаю, Крикс мог бы сделать себе иную карьеру, если бы более всего на свете не любил добиваться справедливости любыми доступными средствами.

Спартак одобрил задумку своего друга, и через пару недель в местном амфитеатре должны были состояться гладиаторские бои.

Билеты были распроданы ещё за неделю до начала представления, хотя и стоили как годовой абонемент в местный бордель.

Крикс попросил меня разрисовать рекламные щиты, которые сколотили из досок добрые плотники. Я, как мог, нарисовал гладиатора, который перерезал горло другому гладиатору, а кровь, как и положено, текла рекой и разливалась в озеро. Я написал: «Самое кровавое представление от создателей либертарианского движения за свободу! Не пропустите!» Криксу мой плакат понравился.

– В целом – неплохо, – сказал он. – Но крови можно и побольше. Народ это любит.

В назначенный день в городе яблоку было негде упасть.

На входе в театр возникла давка, и до смерти была задавлена несколько несостоявшихся зрителей, так что Криксу пришлось самому руководить организацией запуска напористой толпы.

Но, несмотря на грамотное руководство темнокожего человека, все желающие не поместились в театре и пара сотен человек осталась снаружи. Но они ещё надеялись попасть в театр, когда места чудесным образом освободятся – если кто-нибудь помрёт от резкого наплыва впечатлений или отдаст концы под лучами палящего солнца.

Крикс посетовал на малые размеры амфитеатров в Риме и обещал построить после нашей победы по-настоящему большие площадки.

В самом театре Крикс, за небольшой процент, разрешил продажу цереса местным производителям этого полезного и вкусного напитка.

А я подкинул идею со ставками – Крикс был от неё в восторге.

Открывал игры сам Спартак. Ему аплодировали, и встречали полководца, как героя.

Спартак поднял правую руку, и толпа тут же успокоилась.

Мы с Криксом и Корнелией сидели с ним в одной ложе, и я мог хорошо его слышать.

– Народ Рима! Под словом «народ» я имею в виду не только граждан. Каждый, кто живёт и работает на территории Рима, вправе причислять себя к римскому народу. Некоторые, наверное, скажут, что сейчас не время для развлечений – идёт война. Да, это так! Но война эта идёт за свободу! И за справедливость! А что такое свобода? Не знаете? А я вам скажу! Свобода – это возможности! Возможность выбора, возможность доброго заработка, возможность наплевать на классовые предрассудки и, конечно, возможность хорошо развлекаться!

Речь Спартака понравилась зрителям, и они хором принялись кричать «Спар-так! Спар-так!» Атмосфера общего праздника способствовала ощущению единства.

Потом выступил Крикс. Его речь была не такой блестящей, но понравилась народу не менее, чем речь Спартака. Он пообещал, что драться гладиаторы будут насмерть, и что оставшиеся в живых будут бить друг друга до тех пор, пока не останется лишь один победитель.

– И он получит свободу! – сказал Крикс. – Это достойный приз!

Толпа взревела от удовольствия.

Крикс уже собирался сесть, но посмотрел на Корнелию, успокоил народ взмахом руки и продолжил.

– Но это ещё не всё! – сказал он. – Я решил добавить в наш чудный праздник побольше специй!

Все застыли в ожидании специй от Крикса.

– Я сам буду биться! – крикнул он.

Я не смогу описать того восторга, которым зрители встретили слова темнокожего воина с белыми татуировками.

– Ты с ума сошёл, Крикс! – сказал Спартак. – Я запрещаю!

– Так нужно, Спартак! Во имя нашей борьбы! – сказал Крикс и направился вниз к гладиаторам.

Этот неожиданный ход народу понравился.

Но более всех он понравился Корнелии. Она ничего не сказала, но посмотрела на Крикса так, как не смотрела даже на Спартака.

А много ли женщинам нужно для восхищения? Пожалуй, нет. Какого-нибудь героического подвига, как правило, хватает с избытком.

Гладиаторов выгнали на арену – набралось две сотни пар воинов, и они с трудом умещались в овальной песочнице.

Бойцы были раскрашены в пёстрые цвета, и им выдали нехитрое оружие: кому-то достался гладиус, кому-то пилум, некоторым подогнули крестьянские вилы, а кто-то получил обычную дубину. Щиты раздали не всем – их заменяли кинжалами или рыбацкой сеткой.

Гладиаторы были разного возраста. Это были и профессиональные солдаты, и юнцы из ополчения. У последних шансов выжить не было, поэтому они выглядели удручёнными.

Крикс выбрал себе крепкого и откормленного оппонента с гладиусом и щитом, и расположился с этим мордоворотом перед нашей ложей. Сам темнокожий воин взял себе лишь дубину – щитом он решил пренебречь. Вероятно, он посчитал, что так будет эффектнее.

Спартак встал и поднял правую руку. Трибуны замерли, а гладиаторы приготовились.

И полководец махнул. Оркестр из музыкантов с дудками и трубами, которых я обучил незатейливой, но бодрой мелодии, задули в свои инструменты, и шоу началось.

Битва была не на жизнь, а на смерть. Юнцы из ополчения выбыли из игры уже через пару минут. Арена заполнялась трупами, а народ веселился от души. Победители боя собирались в правой части манежа и ждали начала следующего тура.

Толпа, как и положено, ревела, аплодировала и свистела.

Крикс бился со своим мордоворотом дольше других. Казалось, он играл в спектакле и рисовался перед зрителями, как обласканный искушённой публикой актёр.

Он то и дело бросал косые взгляды на нашу ложу. А если быть точнее, то на Корнелию. И та следила лишь за Криксом – она сложила свои прелестные ручки у волевого подбородка и переживала до самых слёз.

То и дело, она совала пальцы в рот и свистела. Надо признать, свистела она так, что заглушала рёв трибун, и нам со Спартаком приходилось прикрывать уши руками.

Когда Крикс, наконец, закончил, и забил-таки своего оппонента дубиной, было объявлено об окончании первого этапа соревнований.

Победившие унесли тела проигравших, а зрители смогли купить себе цереса.

Оставалось сто пар гладиаторов.

Места на арене прибавилось, и бойцы получили пространство для манёвра.

Нам в ложу принесли вина и жареных фазанов с хрустящей корочкой. Мы со Спартаком взяли себе по птице, а Корнелия ограничилась бокалом вина.

Она не отрывала своего взгляда от Крикса, который ходил вдоль трибун и собирал атрибуты народной любви. Казалось, что всё представление было задумано как его бенефис, а остальные участники кровавого шоу были лишь статистами.

Спартак заметил, что его супруга не отрывается от Крикса и разозлился.

– Корнелия, съешь фазана! – сказал он.

Она отказалась. Тогда он встал, посмотрел на меня и запустил свою недоеденную птичку в трибуны. Она улетела на приличное расстояние и стала чудесной закуской к цересу.

– Заканчивай перерыв! Сигналь второй тур! – крикнул Спартак своему помощнику.

Прозвучал сигнал, и гладиаторы заняли свои места. То же самое сделали и зрители.

Спартак махнул правой рукой, и музыканты заиграли.

Второй тур длился дольше первого, потому что оставшиеся после первого этапа бойцы были не пальцами деланные и не лыком шитые, и, надо отдать им должное, боролись за свою жизнь как звери.

Но сколько бы они не старались, всё равно половина осталась валяться на манеже с перерезанными глотками и распоротыми животами, а кое-кому даже умудрились отрубить в пылу борьбы руку. Как я выяснил позже, подобные случаи на гладиаторских турнирах – не такая уж и редкость.

Крикс был единственным темнокожим участником, и его потное и мускулистое тело выделялось на фоне белокожих воинов.

Партнёр Крикса, хотя и был вооружён копьём и щитом, не сумел одолеть смуглого великана – он был так же забит палкой, как и его предшественник. Полагаю, никто из присутствующих не ожидал иного исхода их поединка.

Перед третьим туром публике было предложено делать ставки. Для этого гладиаторов поделили на команды и обозначили их красными и белыми лентами, которые бойцы напялили на свои головы. Между рядов трибун ходили ответственные за сбор ставок и обученные мною сотрудники и собирали деньги.

Крикс был за красных и ещё раз прошёлся вдоль трибун.

– Крикс! Крикс! – орали поклонники его таланта.

А темнокожий исполин и успешный спортсмен купался в лучах народной славы. И, конечно, он не забывал посматривать в сторону Корнелии. Она отвечала ему тем же, а Спартак бесился – выпил всё вино и приказал принести добавку. В тот момент я начал переживать за либертарианское движение и бороться с мыслями о побеге.

Третий тур с участием пятидесяти пар гладиаторов отличался продолжительностью – то ли бойцы почувствовали усталость от борьбы за свою жизнь и двигались медленнее обычного, то ли желание выйти в четвёртый тур оказалось сильнее спортивного задора и превратилось в соревнование по выносливости.

Единственным воином, который не растерял азарта, был, несомненно, Крикс. Он парил вокруг противника, как мотылёк, и наносил точные и болезненные удары своей окровавленной дубиной. Он и закончил свой поединок первым.

На этот раз Крикс, перед тем, как нанёс свой последний удар по голове лежащего на песке бедняги, поднял обе руки и издал душераздирающий вопль. И только после этого опустил свою волшебную палочку.

Крикс заметил, что другие пары не торопятся заканчивать бой и принялся носиться по манежу и дарить гладиаторам удары палкой направо и налево, чтобы подзадорить бойцов.

– Шевелись! Шевелись, скотина! Бей! Ну, убей его! – орал он на весь театр.

Это понравилось зрителям, и они заплодировали.

По очкам победила команда красных, и счастливые зрители, которые ставили на красный цвет, получили выигранные деньги.

После окончания третьего тура был объявлен большой перерыв и народ отправился справлять нужду в специальные дыры в стенах и заправляться цересом.

Публика выглядела весёлой – с пеной у рта люди обсуждали наиболее яркие поединки, и не раз охранникам приходилось разнимать дерущихся женщин, которые таскали друг друга за волосы на потеху своим мужчинам.

Крикс пришёл отдохнуть в нашу ложу.

– Зачем ты это делаешь? – спросил его Спартак.

Крикс выпил вина и полил себе на голову воды из ведра. Корнелия смотрела на него, как на героя, а я пил вино. Меня разрывали на части противоречивые чувства, но я предпочитал молчать.

– Спартак! Ты это видел? Народ счастлив! Мы же этого хотели! Или я ошибаюсь?

– Конечно! Но ты рискуешь собой! Я не хочу, чтобы тебя заколол какой-нибудь мудень!

Я тогда подумал, что Спартак может и лукавить, как и любой другой человек. Порой, лукавят даже великие полководцы и народные герои, скажу я вам.

Но Корнелия встала на защиту темнокожего бойца.

– Спартак, кто его заколет? Ты посмотри с какой лёгкостью он пробивает им головы!

– Это потому, что их три дня не кормили! Думали, что это пойдёт на пользу – злее будут.

А Крикс-то жрал в три горла!

– Это не так важно! Никто об этом не знает. Важно, что народу нравится! Твой народ счастлив! – сказала Корнелия.

– Мой народ?

Спартак опечалился и выпил вина.

– Ну... Спартак, если хочешь, я больше не выйду на эту долбаную арену. Стоит ли так расстраиваться из-за пустяка, друг мой?

Полководец молчал.

– А мы спросим Марцеллуса! – сказала Корнелия. – Пусть он разрешит наш спор! Марцеллус, что думаешь? Продолжить ли Криксу проламывать гладиаторские головы на радость народу и нам, или пускай он сядет в этой ложе вместе с нами и накачается дешёвым цересом, чтобы завтра мучить всех своей головной болью и дерьмовым настроением?

– Шоу должно продолжаться, – сказал я.

Я считал, что мы должны пользоваться любой возможностью для роста нашей популярности у населения. А тем более, я был против раскола в нашем либертарианском лагере.

– Спартак, не нужно останавливаться на половине пути! – сказал я.

– Хорошо сказал, Марцеллус! – похвалила меня Корнелия.

– Валяйте! Если нужно для дела, – сказал Спартак.

– Ну вот и чудненько, – сказала Корнелия. – Эй, сигнальте четвёртый тур!

Четвёртый тур прошёл в быстром темпе – гладиаторы отдохнули и убивали с высокой скоростью. Но Крикс в этот раз не спешил. Вероятно, его задела слова Спартака о трёх криксовских горлах.

Даже когда его соперник уже валялся в кровавой луже, но был ещё в сознании, он не торопился покончить с ним.

– А ведь я могу оставить ему жизнь! – кричал он трибунам.

Толпа ревела.

Женщины бились в истерике, мочились под себя и падали в обмороки, а мужчины орали и до крови сжимали кулачки.

– Убить или сохранить? – кричал Крикс. – Я не слышу! Убить или сохранить? Громче! Я не слышу!

Народ жаждал крови.

– Хорошо! Воля народа – закон! – крикнул Крикс и добил своего противника.

По мере того, как дело шло к финалу наших игр, росли и ставки.

Ставили уже стада баранов и целые поместья. Участники выступали уже не командами, а в индивидуальном порядке.

Конечно же, Крикс дошёл до финала, но дубина его не выдержала такой интенсивности использования и разлетелась в мелкие щепки, когда встретилась с головой последнего противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.